УДК 81

Ю.С. Хельмянова
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор С.Г. Ильенко

МОДУСНЫЕ СИТУАЦИИ КАЖИМОСТИ В ПРОЗЕ А.С. ПУШКИНА

В статье предпринимается попытка создания классификации модусных ситуаций кажимости в русском художественном тексте. Автор статьи выделяет типы модусных ситуаций (сенсорный, когнитивный, сенсорно-когнитивный) и их подтипы, используя в качестве исследовательского материала прозу А.С. Пушкина.

Художественный текст, проза А.С. Пушкина, модус, модусные ситуации, кажимость, эвиденциальность.

This paper contains an attempt to create a classification of modus situations of seemingness in the Russian fiction. The author of this paper distinguishes the types of modus situations (sensory, cognitive, sensory-cognitive) and their subtypes, using the prose of A.S. Pushkin as a research material.

Fiction, prose of A.S. Pushkin, modus, modus situations, seemingness, evidentiality.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение модусных категорий. Относительно недавно внимание исследователей привлек модус кажимости, относящийся к ментальному плану[1] и являющийся особой структурой знания, отражающей оценку некоторого объективного положения вещей, основанную на субъективном предположении [2], [5], [7]–[10], [12]–[13], [18]–[19] и др.

При изучении модуса кажимости весьма важной задачей является систематизация и описание модусных ситуаций кажимости. Одной из первых попытку их квалификации предприняла Т. И. Семенова, опираясь при этом на следующие признаки:

1) наличие/отсутствие непосредственного восприятия ситуации;

2) тип вводимого суждения (констатирующее / квалифицирующее суждение);

3) отношение к содержанию сообщения (степень истинности ситуации);

4) обязательность / необязательность внешнего наблюдателя.

Исходя из этих признаков, Т.И. Семенова выделила следующие типы модусных ситуаций для категории кажимости:

1) «неполное знание», «нечеткое восприятие» (разного рода помехи, отсутствие полной информации, а также забывание);

2) «субъективное восприятие» как отражение в языке иллюзий восприятия (прошлый опыт, влияние эмоционального состояния субъекта на восприятие окружающего мира);

3) «ложное, иллюзорное восприятие» (из-за неблагоприятных условий восприятия, при особом физическом и эмоциональном состоянии воспринимающего субъекта и т.п.);

4) «непроизвольное воображение», «внутреннее зрение», обусловленные природным воображением субъекта;

5) «неуверенное мнение», сформированное на основе непосредственного опыта (восприятия) и обусловленное эпистемической недостаточностью;

6) «оценочное мнение» (психологического, эстетического, сенсорно-вкусового характера);

7) «передача чужого сообщения», при которой говорящий снимает с себя ответственность за истинность передаваемой информации;

8) «припоминание», во время которого говорящий опирается на сенсорно-перцептивно-когнитивные основания прошлого [13, с. 74–101].

Постановка вопроса о категоризации высказываний с модусными предикатами кажимости и предложенная Т.И. Семеновой квалификация – значительный результат в решении проблемы кажимости в целом. Обращает на себя внимание и достаточно подробное описание каждого из выделенных типов, сопровождаемое большим количеством иллюстраций. Однако, несмотря на продуманность предложенной квалификации, она требует уточнения и дополнения, поскольку не во всем, на наш взгляд, убедительна.

Во-первых, очевидно, что выделенный тип «субъективное восприятие» является инвариантом для всех категоризуемых ситуаций кажимости: кажимость изначально предполагает субъективное восприятие, и сема субъективности входит во все ее модусные проявления. В данном случае речь идет скорее об эмоциональном восприятии. Во-вторых, не совсем корректным представляется совмещение «неполного знания» и «нечеткого восприятия» в одном типе. Необходимость их разграничения диктуется изначальной противопоставленностью интеллектуальных и чувственных способов освоения бытия в целом. В-третьих, неубедительно разграничение модусных ситуаций «неполное знание» и «неуверенное мнение», при том, что и та и другая есть не что иное как эпистемическая недостаточность. Однако представленная Т.И. Семеновой квалификация является несомненной теоретической подсказкой для дальнейших типологий не только применительно к анг-

[1] По классификации модусов Н.Д. Арутюновой [См.: 2, с. 411–441].

лийскому, но и к другим языкам, в нашем случае – к русскому.

На основе анализа квалификации Т.И. Семеновой и самостоятельно полученных эмпирических данных (составленной нами картотеки средств кажимости в прозе А.С. Пушкина), в настоящем исследовании предлагается типология модусных ситуаций кажимости в прозаическом творчестве Пушкина. В русском языке к формализованным средствам выражения кажимости относятся полузнаменательная связка составного именного сказуемого, вводное слово и предикат главной части изъяснительного предложения. Ср.: *Договор с офицером, деньги, все* ***казалось*** *ему* [учителю из Франции – Ю.Х.] *сновидением* (Дубровский); *Графиня,* ***казалось****, поняла, что от нее требовали* (Пиковая дама); *Мне* ***казалось****, что буран еще свирепствовал и мы еще блуждали по снежной пустыне* (Капитанская дочка).

При создании типологии мы разграничили модусные ситуации, связанные с восприятием (назовем их ***сенсорными***), и модусные ситуации, связанные с мыслительно-логическими операциями (назовем их ***когнитивными***). При этом дополнительно выделим третий тип ситуаций, обусловленный как органами чувств, так и мышлением – ***сенсорно-когнитивный***.

Перейдем к их конкретизации, обратив вначале внимание на необходимость рассматривать признаки модусных ситуаций не в их совокупности, как это представлено у Т. И. Семеновой, а по отношению к каждому конкретному их типу.

I. Сенсорные модусные ситуации кажимости

1. Нечеткое восприятие обусловлено внешними факторами, независящими от субъекта (туман, сумерки, шум и т.п.), т.е. тем, что создает неблагоприятные условия для наблюдателя и является причиной возникновения неуверенных предположений, нередко ошибочных: «визуальная истина легко оборачивается кажимостью» [1, с. 95].

Такой пример легко обнаружить в «Капитанской дочке». Недооценив погодные условия («*ветер показался мне не силен*»), молодой и неопытный Петр Гринев решается продолжить дорогу в Оренбург несмотря на надвигающийся буран. Сбившись с дороги, ямщик останавливается в степи в надежде найти какой-нибудь ориентир. Заметив вдалеке что-то черное, Гринев спрашивает у ямщика: *«Что там такое чернеется?»*, на что получает ответ: *«А бог знает, барин, – сказал он, садясь на свое место, – воз не воз, дерево не дерево, а* ***кажется,*** *что шевелится.* ***Должно быть, или*** *волк,* ***или*** *человек»*. Тем не менее ответ ямщика не просто эпизодический, а художественно-символический. Перед нами картина первой встречи Гринева с Пугачевым, оказавшаяся судьбоносной. Пугачев возникает из ниоткуда, предстает перед Гриневым и читателем в мистическом антураже кажимости. По сути дела, уже при первой характеристике приоткрывается двойственная природа Пугачева: недоумение ямщика «*или волк, или человек*» определяет эмоциональный настрой всей повести по отношению к самозванцу. Отмеченная двойственность лингвистически подчеркивается использованием в этом фрагменте вводного компонента «должно быть» и разделительного союза «или… или».

2. Эмоционально-субъективное восприятие, обусловленное внутренним психологическим состоянием субъекта, которому окружающая действительность под влиянием эмоций представляется весьма по-разному: от ощущения восторженного счастья до отчаяния.

Обратимся к одному из эпизодов «Пиковой дамы». Лизавета Ивановна, воспитанница старой графини, получает любовное письмо, которое приводит ее в крайнее замешательство: «*Впервые входила она в тайные, тесные сношения с молодым мужчиною. Его дерзость ужасала ее. Она упрекала себя в неосторожном поведении и не знала, что делать*». Девушка пытается найти нужную тональность ответного письма, чтобы выглядеть достойно, и в то же время не оттолкнуть поклонника:

Несколько раз начинала она [Лизавета Ивановна – Ю.Х.] *свое письмо, – и рвала его: то выражения* ***казались*** *ей слишком* ***снисходительными****, то слишком* ***жестокими****.*

Многоместный союз «то…то», используемый Пушкиным, является одним из наиболее ярких средств выражения возможных колебаний, подкрепляющих кажимость при эмоциональном восприятии.

Высокая степень эмоционального напряжения и его следствия представлена и в сцене похорон старой графини:

Он [Германн – Ю.Х.] *поклонился в землю и несколько минут лежал на холодном полу, усыпанном ельником. Наконец приподнялся, бледен как сама покойница, взошел на ступени катафалка и наклонился... В эту минуту* ***показалось*** *ему, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом. Германн, поспешно подавшись назад, оступился и навзничь грянулся об земь*.

Важно отметить, что введение категории кажимости обслуживает весьма существенные фрагменты в композиционно-художественной структуре художественного текста.

II. Когнитивные модусные ситуации кажимости

1. Неуверенное мнение, основанное на эпистемической недостаточности, нередко возникающее как факт припоминания. Несмотря на наличие непосредственного восприятия ситуации, субъект не в состоянии однозначно квалифицировать действительное положение дел или идентифицировать действующих лиц за неимением полной информации или по причине свойственной человеку забывчивости.

Напомним картину второй встречи Гринева с Пугачевым в Белогорской крепости: *Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была*

надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его ***показалось*** *мне знакомо*. Но Гринев был слишком далек от предположения, что перед ним мужик-вожатый, который спас его во время бурана. Недаром Марина Цветаева возмущенно по этому поводу писала: «Как мог не узнать его Гринев? И если действительно не узнал, как мне было не отнестись к нему с высокомерием? Как можно было – после того сна – те черные веселые глаза – забыть?» [15].

2. Передача «чужого слова» [3], при которой модус кажимости пересекается с модусом эвиденциальности, при этом происходит взаимовлияние модусов: сообщение другого лица может подаваться не со значением истинности, а с оттенком сомнения, неуверенности. Обычным условием данной модусной ситуации является отсутствие непосредственного восприятия – информация подается со слов *Другого* [3]. При этом у говорящего может возникнуть ощущение присутствия при описываемых событиях:

Я не был свидетелем всему, о чем остается мне уведомить читателя; но я так часто ***слыхал о том рассказы****, что малейшие подробности врезались в мою память и что мне* ***казалось****,* ***будто бы*** *я тут же невидимо присутствовал* (Капитанская дочка).

3. Размышление диалогического типа (внутренний односторонний диалог)*,* основанное на известных воспринимающему субъекту конкретных фактах, а также на строго логическом размышлении.

Так, получив письмо от отца, Петр Гринев негодует и размышляет, откуда тот узнал о произошедшей дуэли*: «Кто же брал на себя труд уведомить отца моего о моем поведении? Генерал? Но он*, ***казалось***, *обо мне не слишком заботился; а Иван Кузмич не почел за нужное рапортовать о моем поединке. Я терялся в догадках».* Рассуждая о сложившейся ситуации, ведя внутренний диалог с самим собой, он приходит к выводу, что только Швабрин мог доложить на него: *«Он один имел выгоду в доносе, коего следствием могло быть удаление мое из крепости и разрыв с комендантским семейством»*.

III. Модусные ситуации кажимости сенсорно-когнитивного типа

1. Непроизвольное воображение*,* когда в сознании субъекта возникает образ, основанный на прошлом сенсорном и эмоциональном опыте, или фантастические видения, не имеющие под собой действительной основы: в психически неуравновешенном состоянии, в мечтах, в бреду, во сне. Среди названных условий наиболее значимым, своего рода пограничным состоянием является сон. Известно, что Пушкин неоднократно прибегал к описанию сна героя как к особому композиционно-организующему приему (сны Татьяны, Руслана, Григория Отрепьева, Петра Гринева и др.)[1]. Видимо, в композиционно-содержательном отношении наиболее ярким является сон Адрияна Прохорова в «Гробовщике». Его исключительность определяется целым рядом причин: философской нагруженностью, убедительной представленностью концепта «смерть» в художественных образах «гроб», «похороны», «новоселье»[2], композиционно-содержательной интригой, наиболее показательной в отношении соотнесенности названия и смысла произведения, а также выразительностью совокупности используемых языковых средств.

В самом деле, название «Гробовщик», подкрепленное державинским эпиграфом о дряхлеющей вселенной с ее каждодневными гробами[3], меньше всего в данном случае воспринимается как бытовое наименование профессии – оно настраивает читателя на человеческое мироощущение, связанное с представлениями о жизни и смерти и о зыбкой границе между ними. Ощущение этой зыбкости передается Пушкиным не только возможным неразличением сна и яви персонажем Адрияна Прохорова, но и читательской озадаченностью, связанной с восприятием сна как реальности.

В «Толковании сновидений» З. Фрейд подчеркнул, что сон – это отражение реальной жизни человека, его мыслей и желаний [16]. Адриян Прохоров после новоселья у соседа видит фантастический сон, в котором переплетается реальность и кажимость. Накануне он был погружен в повседневные размышления (расходы на покупку новых гробов и гробовых нарядов, ожидание новых похорон, в том числе богатой купчихи Трюхиной, боязнь, что по причине Разгуляя родственники Трюхиной не пошлют за ним), которые прервал сосед – сапожник Готлиб Шульц, пригласивший его на новоселье. После новоселья у соседа, где мастеровые пили за здоровье своих клиентов, гробовщик *«пришел домой пьян и сердит».* Шутка, отпущенная в его сторону (*«пей, батюшка, за здоровье своих мертвецов»*), сильно задела его. Под действием хмеля и обиды *(«чем ремесло мое нечестнее прочих?»*) он созывает на свое новоселье *«мертвецов православных»* и отправляется спать. И далее, казалось бы, описывается обычный день из жизни гробовщика: умерла Трюхина, и Адриян Прохоров до позднего вечера погружен в заботы, связанные с ее похоронами. День подходит к концу, не предвещая ничего необычного, но вдруг – *что за дьявольщина*? В его дом пожаловали гости – это те самые православные мертвецы, приглашенные им накануне на новоселье. И встреча с «гостями», да и сами «гости» описаны настолько реалистично, что до конца повести непонятно, реальны изображаемые события или воображаемы.

Прием сна, который мы считаем наиболее сильным семантическим средством категории кажимости, является настолько убедительным, что в изображении реальной повседневности Пушкин ограни-

[1] Анализ снов пушкинских героев см. в работе М.О. Гершензона [6].

[2] Ср. переносное значение «новоселья» – о смерти, отмеченное в «Словаре языка Пушкина» [14].

[3] *Не зрим ли каждый день гробов, / Седин дряхлеющей вселенной?*

чивается лишь двумя структурами с изъяснительным предложением, выражающими семантику кажимости:

Гробовщик подходил уже к своему дому, как вдруг ***показалось*** *ему, что* ***кто-то*** *подошел к его воротам, отворил калитку и в нее скрылся.*

Адриану ***показалось,*** *что по комнатам его ходят люди. «Что за дьявольщина!» – подумал он и спешил войти…*

Мы позволили себе говорить о композиционно-содержательной интриге (в пушкинистике этот очень популярный аспект в исследовании «Гробовщика» именуется композицией повести [4], [20]), поскольку пушкинская композиция напрямую вовлекает читателя в пространство сна, заставляя с большей глубиной воспринимать мир, в котором наряду с банальным тостом у сапожника на новоселье «за здоровье Луизы», провозглашенным любящим мужем, оказывается возможным ироническое словосочетание «за здоровье мертвецов», абсурдное с языковой точки зрения.

2. «Оценочное мнение», когда субъект восприятия оценивает ситуацию (так называемое положение дел), предмет (в широком смысле) с различных точек зрения:

– моральных: *Я* [Гринев – Ю.Х.] *смутился: признать бродягу государем был я не в состоянии: это* ***казалось*** *мне* ***малодушием*** *непростительным* (Капитанская дочка); *Мне* [Сильвио – Ю.Х.] *все* ***кажется****, что у нас не дуэль, а убийство: я не привык целить в безоружного* (Выстрел);

– эстетических: *Германн был свидетелем отвратительных таинств ее туалета; наконец графиня осталась в спальной кофте и ночном чепце: в этом наряде, более свойственном ее старости, она* ***казалась менее ужасна и безобразна*** (Пиковая дама). *Лиза примерила обнову и призналась перед зеркалом, что никогда еще так* ***мила*** *самой себе не* ***казалась*** (Барышня-крестьянка);

– эмоциональных: *Служба, о которой за минуту думал я* [Гринев – Ю.Х.] *с таким восторгом,* ***показалась*** *мне тяжким* ***несчастием*** (Капитанская дочка); *Григорий Иванович вспомнил свое обещание и старался не показать и виду удивления; но шалость его дочери* ***казалась*** *ему так* ***забавна****, что он едва мог удержаться* (Барышня-крестьянка);

– интеллектуальных: *Логика старого злодея* [беглого капрала Белобородова – Ю.Х.] ***показалась*** *мне* [Гриневу – Ю.Х.] *довольно* ***убедительною*** (Капитанская дочка); *Настоящая цель этерии была им* [Кирджали с товарищами – Ю.Х.] *худо известна, но война представляла случай обогатиться на счет турков, а может быть и молдаван, – и это* ***казалось*** *им* ***очевидно*** (Кирджали) и т.п.

Подводя итоги, представим классификацию модусных ситуаций кажимости в виде таблицы. Стоит подчеркнуть, что предложенная классификация не претендует на окончательную. Для ее уточнения целесообразно обратиться к эпистолярию Пушкина.

Таблица

Типы модусных ситуаций, категоризуемых через модус кажимости

Сенсорный тип	Когнитивный тип	Сенсорно-когнитивный тип
1. Нечеткое восприятие	1. Неуверенное мнение	1. Непроизвольное воображение
2. Эмоционально-субъективное восприятие	2. Передача «чужого слова»	2. Оценочное мнение
	3. Размышление диалогического типа (внутренний односторонний диалог)	

Литература

1. *Арутюнова, Н.Д.* Видение и видение (проблема достоверности) / Н.Д. Арутюнова // Между ложью и фантазией. – М., 2008. – С. 92–105.
2. *Арутюнова, Н.Д.* Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М., 1999.
3. *Бахтин, М.М.* Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М., 1963.
4. *Бочаров, С.Г.* О смысле «Гробовщика» // С.Г. Бочаров. Филологические сюжеты. – М., 2007. – С. 66–100.
5. *Гатинская, Н.В*. Модальные слова кажимости в русском языке: Характеристика взаимоотношения с другими категориями / Н.В. Гатинская // Семантика и прагматика языковых единиц: Межвуз. сб. науч. тр. – Уфа, 1999. – С. 61–68.
6. *Гершензон, М.О.* Сны Пушкина // М.О. Гершензон. Статьи о Пушкине. − М., 1926. – С. 96−111.
7. *Горельникова, Ю.А.* Выражение модального значения кажимости в структуре предложения: автореф. дис. … канд. филол. наук / Ю.А. Горельникова. – М., 1993.
8. *Ермакова, О.П.* Метафора в отношении категории кажимости / О.П. Ермакова // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией. – М., 2008.
9. *Клепикова, Т.А.* Фрейм «кажимость» и структурно-семантический тип предиката / Т.А. Клепикова // Теория и практика преподавания. – Архангельск, 2001. – С. 111–123.
10. *Малинович, М.В.* Семантические константы внутреннего мира человека: кажимость / М.В. Малинович // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией: Сб. ст. – М., 2008. – С. 608–617.
11. *Пушкин, А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. / под ред. Б.В. Томашевского. – М., Л., – 1949. – Т. 6: Художественная проза.
12. *Романова, Т.В.* Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе: автореф. дис. … докт. филол. наук / Т.В. Романова. − СПб., 2004.
13. *Семенова, Т.И.* Лингвистический феномен кажимости (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Т.И. Семенова. – Иркутск, 2007.
14. Словарь языка Пушкина / под ред. В.В. Виноградова. – М., 1957. – Т. 2.
15. *Фрейд, З.* Толкование сновидений / З. Фрейд ; под общ. ред. Е.С. Калмыковой, М.Б. Аграчевой, А.М. Боковикова. − М, 2005.

16. *Хельмянова, Ю.С.* Вымысел и история: реальность и кажимость в «Капитанской дочке» А.С. Пушкина / Ю.С. Хельмянова // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: Сб. науч. трудов / Национальный минерально-сырьевой университет «Горный». – СПб., 2013. – С. 198–202.

17. *Хельмянова, Ю.С.* Синтаксические составляющие категории кажимости в русском языке («Капитанская дочка» и «Дубровский» А.С. Пушкина) / Ю.С. Хельмянова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2012. – № 149. – С. 114–121.

18. *Цветаева, М.И.* Пушкин и Пугачев / М.И. Цветаева // Русские записки. – 1937. – № 2. – С. 155–189.

19. *Шаховский, В.И.* Модус кажимости: пассионарность оскорблений реальных и кажущихся / В.И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 2 (14). – С. 36–41.

20. *Эйхенбаум, Б.М.* Болдинские побасенки Пушкина // Б.М. Эйхенбаум. О литературе: Работы разных лет. – М., 1987.